



Народный Комиссариат
по делам национальностей

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЖЕ
МЕСЯЧ.
НЫЙ ЖУР.
НАЛ ПОВОПРО.
САМ ПОЛИТИКИ,
ЭКОНОМИКИ И КУЛЬ.
ТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
Р.С.Ф.С.Р.

КНИГА ВТОРАЯ



1923



ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ПО-
ЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ НАЦИО-
НАЛЬНОСТЕЙ Р.С.Ф.С.Р.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Г. И. Бройдо, М. П. Павловича, М. Султан-Галиева и И. П. Трайнина.

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА—1923.



Опыт классового расслоения в условиях Туркестана^{*}).

(Союз „Кошчи“ и его роль в общественной жизни Туркестана).

Туркестан представляет собою пестрый ковер различных общественных форм. Патриархально-родовой быт с пережитками патриархального коммунизма, недоразвитые феодальные отношения и, наконец, торговый и промышленный капитализм — такова лестница поднимающихся общественных ступеней.

Столкновение родового хозяйства с торговым капиталом; товарное хозяйство, внедряющееся в натуральное сельскохозяйственное хозяйство, организованное по феодальному типу; столкновение индивидуального и хищнического хозяйства русского переселенца-земледельца с объединенными в роды кочевниками; колониальная эксплуатация туземного населения российской буржуазией, разлагавшей и отчасти приспособлявшей для своих целей найденные ею здесь общественные формы, в которые вливалось новое социальное содержание — таковы наиболее характерные черты недавнего прошлого Туркестана.

В этих условиях опыты революционной советской работы становятся там чрезвычайно ценными и показательными для всей нашей работы на Востоке.

Огромное большинство населения Туркестана (около 80%) составляет сельское население.

В областях узбекских (Ферганская, Самаркандская, часть Сырь-Дарьинской) — это преимущественно дехкане-земледельцы, бывшие в феодальной зависимости от ханов и беков к моменту захвата Туркестана русским капиталом. С укреплением последнего они оказались опутанными со всех сторон туземными и пришлыми ростовщиками и скупщиками хлопка, в результате чего они разорялись, теряли свои участки и неизбежно попадали в долговую кабалу к бекам.

Российский капитал, сняв ханскую верхушку, построив свою полицейскую администрацию, использовал в то же время феодальный аппарат для целей угнетения и эксплуатации туземного населения. Бывшие беки, ханские и бекские чиновники сравнительно легко и быстро сделали агентами российской власти и, что наиболее существенно, торговыми агентами российского капитала. Хлопковая горячка, втянувшая прежнее натуральное хозяйство узбекских дехкан в производство преимущественно на рынок, разорявшая огромную массу дехканства и ставившая его в зависимость от ссудодателей (хло-

^{*}) Статья дискуссионная. Редакция просит товарищей, работающих на Востоке, высказаться по затронутому вопросу на страницах „Жизни Нац.“.

пок — высоко трудоемкая культура и требует значительно больших затрат, нежели хозяйство зерновое), переформировала бывших беков и чиновников в скупщиков сначала хлопка, а затем и земли. Процесс концентрации земельной собственности в последние годы перед революцией развивался чрезвычайно интенсивно, так как „чайрикерские“ (аренда земли с инвентарем или без него из части урожая) формы кабальной зависимости дехкан от беков росли, и, таким образом, росли также и обострялись классовые противоречия в самом туземном обществе. Российская буржуазия, используя остатки аппарата мусульманского государственного феодализма и его навыки в целях колониальной эксплуатации туземного дехканства, способствовала в то же время концентрации туземного торгового капитала, не давая ему, однако, выхода в промышленность. Колония должна оставаться лишь источником сырья и рынком сбыта для „отечественной“ промышленности — эта основная заповедь империализма толкала накапливавшийся торговый капитал к земле, создавая тем самым в условиях Востока общественные отношения феодального типа. Такова в грубых чертах обстановка узбекского Туркестана.

Иначе и, пожалуй, проще сложились отношения в киргизском и особенно в туркменском Туркестане.

К моменту русского завоевания, родовой быт киргизского населения только в непосредственной близости к узбекским районам подвергался влиянию торгового капитала. В основной массе киргизского населения, особенно в степях северного Туркестана, он еще был вполне устойчив. Русское завоевание сопровождалось хищническим ограблением киргиз. Создавая себе опорную военную базу, разрешая относительную перенаселенность центральной России и спасая помещичье-дворянское землевладение, царское правительство щедро рукой наделяло крестьян-переселенцев землей, отнимая у киргиз так называемые „излишки“, лишая скотоводов необходимых пастбищ и оттесняя их в пустыри и горы.

Все это достаточно общеизвестно и не раз уже было описано с бичующей яркостью. Восстание киргиз 1916 года и особенно зверское подавление его, сопровождавшееся отнятием у них русскими крестьянами и казаками земли, скота и иного имущества, является достаточно характерным образцом политики царизма в крае.

Материальная база родовой быта, основанного на скотоводческом хозяйстве, была разрушена. Началась чрезвычайно сильная тяга к оседанию. Переход к земледелию или голодная смерть — такова альтернатива, ставшая перед разоренной киргизской беднотой, потерявшей основу своего существования — скот.

Нужно отметить, что в лучшем положении оказались верхушки киргиз — баи и мананы, которые сохранили свои привилегии и ухищрялись еще получать доход в виде арендной платы за сдачу русским крестьянам общественной родовой земли. Они же продолжали стоять во главе волостного административного и судебного (суд баев — суд по обычному родовому праву)

аппаратов, что не могло не вызвать распада прежде монолитного родового общества.

Взаимоотношения киргиз и русских общеизвестны и понятны. Это — отношения покоренных и завоевателей, рабов и господ, батраков и хозяев, т.-е. в конечном счете — отношения классового типа. Взаимная ненависть, получавшая характер национальной вражды — вот естественный результат этих отношений.

Наконец, для Закаспийской (Туркменской) области необходимо отметить более устойчивое, нежели для киргиз, родовое деление, однако уже тесно связанное не только с кочевым скотоводством (преимущественно на западе Области), но и с оседлым земледелием.

Земле—и водопользование, еще недавно преимущественно общественно-передельное, под влиянием введения культуры хлопка, требующей особенно тщательной обработки поля, быстро приобретает характер подворно-наследственного. При общем чрезвычайном недостатке поливных земель необходимо отметить довольно ярко намечающийся процесс их концентрации в руках баев. Богатство этих баев обычно не велико, но в сравнении с средней массой дехканства оно представляется значительным.

Организация союза „Кошчи“ и земельная реформа.

Одной из главнейших задач Советской власти в Туркестане после его соединения с центром (в 1918—1919 гг. он почти совершенно был отрезан Оренбургским и Актюбинским фронтами) явилась организация наиболее тесного контакта с самыми широкими трудящимися массами туземного населения, привлечение их к власти, втягивание их в классовую борьбу.

Туземный пролетариат сравнительно малочислен. Среди туркмен он почти совершенно отсутствует, среди киргиз распылен и неорганизован, составляя почти исключительно массы сельско-хозяйственных батраков, среди узбеков имеет ремесленно-цеховые традиции. Поэтому и профсоюзы малочисленны, обладают пока еще очень слабым влиянием и не могут служить достаточной базой для Соввласти. Их роль ограничивалась городами. Но не в последних, не среди небольшого промышленного населения лежит основной нерв хозяйственной и общественной жизни Туркестана. В порядок дня властно встал поэтому вопрос об организации трудового дехканства, привлечении его к власти и пробуждении в нем классового самосознания. Эта задача нашла свое выражение в Союзе „Кошчи“, объединившем малоземельных и безземельных дехкан, батраков, арендаторов и чайрикеров (арендаторов из части урожая) и деревенских кустарей. Фактически в него почти везде вошла и значительная доля середняков, не пользующихся постоянным наемным трудом. Его задачей было—объединение малоземельного дехканства в его борьбе за землю, объединение для борьбы против остатков колониальной эксплуатации и для ликвидации феодально-патриархальных и родовых отношений. В своем уставе Союз рассматривался, как организация переходного типа, смешанного

профессионально-кооперативно-политического характера. Недостаточная оформленность классового самосознания трудящихся туземных дехканских масс, не дающая еще необходимых условий для полного и самостоятельного выделения отдельных видов общественного движения, настойчиво диктовала именно такую смешанную переходную форму. Организация Союза решена была осенью 1920 года, на У-м Съезде К. П. Т.

Организационная работа на местах началась почти сейчас же после Съезда. Особенно выделялась сильная тяга к Союзу широких масс Семиречья. Вначале Союз принял было там преимущественно национальный характер, что весьма понятно, имея в виду кулаческий характер русских поселков Семиречья, но в дальнейшем этот неприятный привкус был устранен.

Из „Союза кирбедноты и бедняков“, как он там назывался, он был переименован, как и во всем Туркестане, в Союз „Кошчи“. Осенью 1922 г. в северных уездах Семиречья русские уже составляли около 15% членов Союза.

О быстроте роста Союза можно судить по тому, что в том же Семиречье, напр., он с 40.000 членов, насчитывавшихся осенью 1921 года, вырос до 80.000 к середине лета 1922 г.; в Мервском уезде Туркменской области он с 5000 (осенью 1921 года) вырос почти до 15.000 к весне 1922 г. и т. п.

К осени 1922 г. Союз насчитывал, помимо Центрального Комитета, 6 областных, 32 уездных объединения, более 200 волостных и 2.000 аульных и кишлячных. Число членов Союза выросло до 260.000 (Семиречье—80.000, Сыр-Дарьинская обл. 90.000, Фергана — 25.000, Самаркандская обл. — 30.000, Туркменская — 30.000 и Аму-Дарьинская — 5.000).

Учитывая такой быстрый рост Союза, вполне понятно, что ряд его организаций загрязнен чуждыми ему имущими элементами и что в отдельных случаях имеется, вероятно, огромный процент мертвых душ, но все же он сыграл крупную роль в деле классового расслоения Туркестана.

Главнейшим объединяющим моментом, толкнувшим массы к Союзу, был, безусловно, земельный вопрос.

Борьба за землю — наиболее понятный, наиболее жизненный и необходимый вопрос для дехканства, эксплуатируемого и своими и чужими паразитами. Русские кулаки и туземные баи родовых и феодальных формаций сделали все возможное, чтобы в дружной против себя ненависти объединить все неимущее дехканство. Борьба за земреформу и была основной работой, проделанной Союзом, позволившей ему не только организовать около себя общественное мнение туземной деревни, но и повести за собою наиболее сознательную ее часть. Обзор этой работы приходится делать по отдельным частям Туркестана в виду глубоких отличий в их обстановке.

Прежде всего киргизские районы: Семиречье, Сыр-Дарьинская область, Восточная Фергана — районы наиболее грубой колонизации и обостренных национальных отношений, выросших на почве колониального покровительства русскому кулачеству.

До революции голод решал здесь аграрные вопросы. Потерявшее скот и необходимые земли для кочевков, оттесненное в горы и пустыни, киргизское население должно было или осесть или вымирать. Царское правительство охотно предоставляло ему последнее. Голод здесь убирал лишние рты из сокращающегося скотоводческого хозяйства.

Революция основным и ударным своим лозунгом выдвинула здесь уравнение в правах на землю и воду коренного и пришлого населения. Земреформа ликвидировала здесь т.-наз. самовольческие, т.-е. основанные на захваченных после восстания 1916 года землях русские поселки, освободила наиболее необходимые кочевые дороги, соединяющие летние (горные) и зимние (степные) пастбища, и вернула киргизскому народу десятки тысяч десятин пригодной для обработки земли.

Земреформа впервые открыла киргизским массам фактическую возможность оседания, впервые наглядно показала, что Советская власть — это их власть.

На Союз легла почти вся работа по использованию всей освободившейся площади. На последней были устроены те батраки, которые работали у переселенцев, а затем киргизская трудовая беднота. Почти на всех освободившихся землях Союз организовал артельные хозяйства, необходимость которых диктовалась недостатком сельскохозяйственного инвентаря. К требованию уравнения в правах на землю и воду он еще добавил „и на инвентарь“. Организованные Союзом артели позволили использовать весь наличный в районе земреформы инвентарь и тем самым не только поддержать посевную площадь на прежнем уровне, но даже и увеличить ее.

За Союзом здесь остается та огромная заслуга, что он земреформе придал не национальный, но классовый характер. Только благодаря Союзу можно было провести работу так, что, действительно, ни один бай или манап не получили земли и вся она перешла в руки трудящихся.

Земреформа почти не затронула узбекских областей Туркестана. Басмачество этих районов исключало почти всякую возможность работы в кишлаках. Единственные попытки проведения реформы были в Канибадамской волости Кокандского у. Ферганской области. Здесь была проведена ликвидация нетрудовых хозяйств и раздача излишков земли сверх трудовых норм мало-земельному дехканству. И здесь движение среди дехкан, направленное к ликвидации байских хозяйств, получило свое яркое выражение. Но репрессии со стороны басмачества, вылившиеся в почти поголовное истребление захвативших байскую землю дехкан, не дали движению разрастись и принять более определенную форму.

Совершенно отличную картину представляет Туркмения. Если проведение земреформы в Семиречьи еще могло подать повод для разговоров о якобы проводившейся там, под видом классовой борьбы, политике национальной розни, то уже никаких поводов к подобным кривотолкам нельзя найти в Туркмении. Здесь земреформа проходила среди одной национальности. Здесь как

эксплуатируемые, так и эксплуататоры были те же туркмены и притом часто одного и того же аула, одного и того же рода. Проведение земреформы находилось здесь преимущественно не в руках земельных органов, а в руках союза Кошчи. Понятно, это было ненормально и привело к целому ряду ошибок, вроде попыток деления воды искусственных источников орошения (т. н. „кяризов“). Но в общем и целом Союз проявил себя как верный страж классовых интересов бедноты.

Общественная роль Союза.

Распад родового быта среди киргизского населения, как уже было сказано, начался и происходил достаточно интенсивно и еще в дореволюционное время. Основным побудительным фактором этого распада являлась русская колонизация, разрушавшая материальную хозяйственную базу родового быта и использующая патриархально-родовой аппарат в своих полицейско-административных целях. Распад этот выражался не только в ослаблении родственной связи между членами рода, но и выявлялся в быстром отмирании обычного (родового) права, в совершенном падении авторитета суда баев (родоначальников) среди широких масс, в отмирании права кровной мести, в значительной территориальной перетасовке членов разных родов, в борьбе бедноты против руководящих верхушек родового общества, пытавшихся удерживать даже в новых условиях прежние родовые имущественные отношения.

Революция, разбившая старый аппарат колониальной эксплуатации, чрезвычайно ускорила процесс распада родового общества.

Союз „Кошчи“, объединив широкие массы бедноты и батраков без каких либо родовых и национальных различий, явился, пожалуй, не только первой классовой*), но и первой национальной организацией киргизского народа. Впервые дело бедноты, ее классовое дело стало без всякого преувеличения также и общенациональным киргизским делом.

Выше было отмечено, что национальные по форме русско-киргизские отношения были по существу своему отношениями *классового порядка*. Вполне

*) Пожалуй, спросят, в чем же выразился классовый характер Союза.

1) В Семиречьи в 1921-22 г. г. достаточно общеизвестно проведение т. н. „классового расслоения“. Примитивно понимаемое, оно выразилось в экспроприации у баев скота с распределением его между беднотой, или организацией общественно-скотоводческих хозяйств. Эта экспроприация, происходившая даже в самых глухих уголках Тянь-Шаня, проводилась самим Союзом, часто была хозяйственно не весьма целесообразна, но была, несомненно, достаточно ярким показателем классового характера Союза.

2) О самостоятельном проведении туркменским Союзом земреформы против своих же баев уже говорено выше.

3) В Самаркандской Области также был проведен Союзом ряд земельных экспроприаций.

4) В ряде мест Ферганы, особенно в ее восточной части (Андижанский уезд), не только земреформа, но и выборы в кишлачные волостные советы были настоящими классовыми демонстрациями против баев и т. п.

понятно, что и дело раскрепощения трудящихся киргизских масс явилось не только классовым, но и национальным делом.

Процесс оформления народов Востока в современного типа нации тесно и неразрывно связан с их борьбой за освобождение от империалистического гнета. Империализму здесь противостоит единый национально-революционный фронт. В условиях господства империализма руководящая роль в этом национально-революционном движении принадлежит почти всегда туземной торговой (в редких случаях промышленной) буржуазии. В условиях Советского государства, при наличии идеологического, организационного и материального влияния пролетарской революции, эта руководящая роль сравнительно легко вырывается из рук молодой и недостаточно опытной туземной буржуазии и захватывается трудящимися массами. Безземельное и малоземельное дехканство—этот главнейший производительный класс восточного общества—делает свои интересы национальными, утверждает свою волю в национально-революционном движении. Переход туземной интеллигенции на сторону Советской власти чрезвычайно облегчает эту задачу. Примеры туркменского и особенно киргизского Туркестана достаточно яркие иллюстрации к сказанному.

Распадающееся родовое общество под влиянием пролетарской революции делает, таким образом, скачек и, минуя феодальный период, переходит к обществу эпохи диктатуры пролетариата. Само собой понятно, что путь этот далеко не прямолинеен и неодинаков в разных странах и областях. Новая экономическая политика создает к тому же не мало тормазов этому скачку через ступени типового развития. Но в общем и целом процесс этот наметился ясно и определенно.

Несомненно, что родовое общество, с его еще не изжитыми навыками общественного производства, с его большей социальной однородностью и характерной для него идеологией, безусловно, легче совершает этот скачек, нежели общество феодального типа, в котором индивидуальное хозяйство отдельных земледельцев и связанные с ним общественно-производственные навыки ставят ему гораздо больше препятствий.

Фергана и Самарканд (узбекский Туркестан) полны пережитков феодального строя (даже туземный торговый капитал принужден там рядиться в феодальные лохмотья), но там дехканское хозяйство уже приобрело товарный характер и вполне оформилась националистическая интеллигенция. Естественно, что и союз „Кошчи“ не мог там приобрести того решающего влияния, какое он имел среди разлагающегося родового общества. Впрочем, одним из усложняющих моментов исключительной важности было развившееся в узбекском Туркестане басмачество, явившееся продуктом столкновения замкнутого натурального хозяйства с хозяйством меновым. Будучи почти типичным для колоний протестом крестьянских масс против империалистической эксплуатации, оно, однако, в силу ряда местных условий (особенно важен хозяйственный отрыв колоний от метрополии, ввозящей хлеб), приобрело чрезвычайно ярко выраженный местный характер, что и заставляет меня считать

его усложняющее влияние на развитие общественных группировок недостаточно характерным для колониальных революций вообще.

Союз „Кошчи“ со своим основным лозунгом земельной реформы послужил тем организационным центром, около которого началась группировка трудовых элементов распадающегося родового общества.

Строить советское государство—это значит строить классовое государство. Попытка построить его сколько-нибудь прочно в условиях устойчивого родового или феодального быта была бы таким же абсурдом, как и попытка сохранить в нем устойчивые (т.е. нормально-растущие) капиталистические отношения.

Ломка родовых и феодальных перегородок, оформление туземных народов в современного типа нации и передача руководящей роли в национальной жизни трудящимся массам бедноты—такова социальная задача, стоящая перед нами на Востоке.

Работа союза „Кошчи“, объединяющего широкие кадры бедноты на платформе классовых интересов, поднявшегося над родовыми и племенными делениями и становящегося центром здорового национального движения, показала, что в нем, безусловно, найдена та форма общественного движения, которая в значительной степени отвечает поставленной выше задаче.

С о ю з и Н Э П.

Проведение НЭПа, совпавшее в Туркестане с некоторыми политическими уступками в узбекских районах (возвращение духовенству вакуффов, введение суда казиев, привлечение к власти т.-наз. „влиятельных лиц“ и т.п.), создало в части компартии Туркестана уклон, который я бы назвал „идеологией отступления“, отразившейся и в отношении к союзу „Кошчи“.

„Или ликвидация Союза, несовместимого с нашей политикой в Туркестане, или широкое привлечение в него середняцкого элемента, составляющего нашу социально-экономическую базу“—таково наиболее частое требование своеобразных туркестанских ревизионистов.

Не стоит, конечно, подробно останавливаться на этой полнейшей бессмыслице. В расшифрованном от восточных скобок виде она, безусловно, запахла бы меньшевизмом и вряд ли где бы то ни было, кроме Востока, была бы терпима в партии. В Туркестане наши тактические приемы часто принимаются за основные принципиальные позиции.

В отношении Союза „Кошчи“ верно одно, и в этом критики правы: Союз переживает тяжелый кризис.

В узбекских районах „политические уступки“ неизбежно привели к частичной, хотя и временной, но все же реставрации прежних, феодального типа отношений. Общественный вес байства усилился, напор его на классовые организации бедноты стал активнее. В то же время временный отказ наш от проведения земельной реформы, естественно, ослабил позиции Союза. Среднячество, идущее на поводу у баев, вливается в Союз, и беднота, дей-

ствительно, начинает страдать от этого, не находя в нем достаточной защиты своих интересов.

В Туркменской Области Союз, после нашего отказа от продолжения земреформы, до сих пор не наладил своей работы на новых рельсах. Однако, там наблюдается скорее некоторая растерянность Союза, нежели загрязнение его состава. Представители родовых верхушек в Туркмении почти совершенно не делают попыток к овладению им.

И, наконец, в Семиречьи, где мы всегда имели наиболее здоровые и сильные организации Союза, замечается лишь небольшая заминка в работе, да кое-где попытки оказать на него родовое влияние.

Все это совершенно понятно и неизбежно в условиях НЭП'а. Переход на новые рельсы всегда, а особенно при недостатке работников, происходит болезненно, но из этого меньше всего следует, что мы должны отказаться там от классовых организаций бедноты.

Как раз наоборот. *Очистить Союз „Кошчи“ от чуждых ему элементов, сохранить и закалить его для новых боев, добиться его возможной классовой однородности, сделать его защитником текущих, повседневных интересов бедноты, всемерно усилить в нем руководящую работу партии и обеспечить его действительное и органическое влияние на низовой советский аппарат* — таковы текущие задачи в отношении Союза.

Ясный учет всей огромной роли Союза „Кошчи“ в деле изменения отсталых общественных отношений Востока, в деле их революционизирования не должен оставить в наших рядах места для ликвидаторских настроений.

Г. Скалов.

О союзе „Кошчи“.

(Несколько замечаний по поводу статьи тов. Скалова „Опыт классового раслоения в Туркестане“).

1. Необходимо признать в статье т. Скалова переоценку значения родовой организации (даже у киргиз) и наряду с этим такую же переоценку в вопросе о возникновении нации.

Уже к моменту завоевания Туркестана родовая организация отмирала. В последнее десятилетие прочно существовавшие прежде роды (сарыбагыш, богу и т. д.), ведущие между собой даже войны за пастбища, ушли в область предания и сейчас являются скорее историческими рудиментами, чем живой действительностью. Однако, непосредственный скачек, который автор делает от „единого родового общества“ к „процессу оформления в современного типа нацию“ является исторически неправильным. Киргизская родовая организация еще до

завоевания Туркестана складывалась в племя и в современной действительности мы должны констатировать наличие этих племен: каракиргиз, киргиз-казаков и др. и отсутствие еще киргизской нации.

Нация возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку возникает капиталистическое хозяйство, хотя бы в форме первоначального накопления. Мы знаем, что этой экономической базы не было в киргизском обществе до революции и не создано после нее. Неп будет содействовать этому образованию. Совершенно правильно автор рисует картину распада родовой организации и устанавливает причины, интенсифицирующие этот процесс, но распад родовой организации усиливал лишь момент племенного объединения. Появившийся недавно проект объединения „горных киргиз“ является безусловным отражением этого процесса племенной организации. По этим же причинам автор перегибает палку в сторону проведения полной аналогии между так называемой киргизской интеллигенцией и буржуазно-демократической националистической интеллигенцией стран, вступивших уже на путь капиталистического развития.

2. Другую ошибку, которую делает автор и которую необходимо указать, это общие выводы о Востоке на основе опыта работы среди киргиз.

Надо покончить решительно и навсегда с мыслью о том, что Восток есть нечто однородное. Для империалистической Европы Восток был чем-то однородным, ибо все восточные страны объединялись единством целей и действий империалистических стран, преследовавших превращение стран Востока в колонию. Советские государства, в своей политике ставящие задачи поднятия революционных движений колониальных стран против империализма, исходят из конкретной общественно-исторической структуры каждого народа, из классовых взаимоотношений его и т. п. Что применимо к киргизскому обществу, то нельзя применять к Китаю или Индии и т. п.

3. „В условиях Советского государства, при наличии идеологического, организационного и материального влияния пролетарской революции, эта руководящая роль сравнительно легко вырывается из рук молодой и недостаточно опытной туземной буржуазии и захватывается трудящимися массами“.

Ошибочное стремление констатировать по аналогии с современным обществом наличие киргизской буржуазии, как класса, приводит к столь же ошибочному исканию класса с противоположными интересами, в сан коего возводится нечто для нас совершенно непонятное, как класс „широкие трудящиеся массы“, под которыми разумеются безземельный и малоземельный крестьянин— „этот главнейший производственный класс“.

Объединенный мелкий собственник, батрак, лумпен-пролетарий—это не класс, могущий руководить. В обществах с такой структурой и притом находящихся в советском окружении идет борьба за руководство „широкими трудящимися массами“ между нарождающимся классом буржуазии (и его политическими организациями) и партией пролетариата и его государством.

Другой вопрос о том, как руководить. Если партия пролетариата будет руководить „широкими трудящимися массами“ так, что они перейдут под ру-

ководство своей нарождающейся или чужой буржуазии, это значит, что соответствующие организации не стоят на исторически-классовой точке зрения и переносят слепо опыт пролетарского руководства из районов с одной классовой структурой в районы с совершенно другими классовыми образованиями и соотношениями сил между ними. Нельзя слепо переносить московский опыт в Пинпекский уезд. Но вырывать власть из рук буржуазии таким неопределенным общественным конгломератом, под его якобы могущим выявиться политическим руководством—это противоречит основным началам нашей программы и марксизма.

4. Отсюда истекают и неправильные выводы политические. Союз „Кошчи“ объединяет „малоземельных и безземельных дехкан, батраков, арендаторов и деревенских кустарей“ и в него „вошла и значительная доля середняков“; он появился тогда, когда „в порядке дня властно встал вопрос об организации дехканства, привлечении его к власти и пробуждении в нем классового самосознания“.

Где, когда мы ставили вопрос об организации крестьянской партии в советской стране? Надо, конечно, крестьянство организовывать, но так, чтобы *руководство политическое* было наше, а, следовательно, не образовывать отдельной партии, да к тому же включающей в себя и небольшие кадры пролетарских батраков и т. д.

2-й Конгресс Коминтерна достаточно ясно указал на необходимость даже и при ситуации, когда революц.-националистическое движение является необходимым, пролетариату образовывать самостоятельную партию, как бы незначителен он ни был. Однако в программе такой партии должны быть установлены иные пути руководства крестьянством, чем в программах партий развитых капиталистических стран. С этой точки зрения в программу деятельности нашей партии, напр., в Семиречье, должен войти план такой организации крестьянства, который бы их связал с пролетарской революцией и подчинил бы *не только „вмязанию“, но и руководству*. Программа РКП и говорит об организации союзов „смешанного профес.-кооперативного характера“, но не политического, как прибавляет к тексту программы тов. Скалов.

Этот союз эконом. характера (в тексте программы сказано—„экономическая организация“) должен содействовать осуществлению экономических интересов „широких трудящихся масс“ под политическим руководством коммунистической партии.

5. С этой точки зрения объясняются и причины того, что союз „Кошчи“ переживает тяжелый кризис. Причина та, что линия его работы была более политической, чем экономической. Он очень мало сделал, почти не вступил на путь превращения в профес.-кооперативную организацию, подводящую новый материальный базис под разрушающееся кочевническое хозяйство.

Мало сказать—вот тебе земля. При отсутствии не только орудий производства и живого инвентаря, но и земледельческих навыков, это сводится к

анархическому использованию экспроприированного, вплоть до простого с'едедения (в буквальном смысле слова) скота.

В этом вопросе характерно, что тов. Скалов представляет себе лишь одну форму высшей стадии хозяйственного развития—это переход к земледелию киргиз. Наивным, конечно, является представление, что жизнь идет по учебнику, в частности, по Богданову: сначала скотоводство, затем земледелие и т. д. Это просто исторически неверно.

Царские колонизаторы крепко держались за эту теорию. Она была им полезна. Перевод киргиз на сельскохозяйственное положение обозначал новые возможности сокращения площади их земли, расширение фонда „излишков“. Но мы этот вопрос должны разрешать с точки зрения конкретной исторически сложившейся обстановки и хозяйственных интересов всего советского государства. Огромные районы Семиречья по своей природе всегда будут районами скотоводства или не смогут быть хозяйственно использованы.

Разделение труда, целесообразное использование природных условий требуют вывода о том, что природные скотоводческие районы должны остаться скотоводческими навсегда. Даже тогда, когда машина совершенно вытеснит лошадь, так как и тогда овца еще понадобится. Срок этот довольно приличный для того, чтобы в хозяйственной программе „кошчи“—скотоводов выразились интересы скотоводческого хозяйства. Но это не значит, что скотоводство надо оставить в той его технически-производственной стадии, а главное, в той его социальной форме, как это было до революции.

Крупное скотоводческое хозяйство с введением кормового травосеяния, с племенными рассадниками, перешедшее в руки артелей безскотных и малоскотных киргиз—вот разрешение вопроса о хозяйственном базисе союза „кошчи“ в Семиречьи и других кочевых районах.

Водно-земельные артели мало-и безземельных дехкан—вот производственная база союза „кошчи“ в ирригационных районах. Это есть те формы, которые рекомендует наша программа. Организации смешанного проф.-коопер. характера под руководством партии и государства, строящие хозяйство, в нем заинтересованные, а следовательно, переходящие на сторону сов. власти и под руководство ее партии.

Вот те пути, которые лучше всякой „чистки“ выкинут из рядов „кошчи“ середняка и бая, примазывающихся к „кошчи“, как к политической организации, как к партии, с помощью которой они „советизируют“ свое влияние.

Курс на правильное понимание нашей программы, на превращение союза „Кошчи“ в экономическую организацию смешанного профессионально-кооперативного характера, объединяющую крестьянскую и кочевническую бедноту, спасет союз „Кошчи“ от окончательного вырождения.

Г. Бройдо.



Народный Комиссариат
по делам национальностей

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕЖЕ-
МЕСЯЧ-
НЫЙ ЖУР-
НАЛ ПО ВОПРО-
САМ ПОЛИТИКИ,
ЭКОНОМИКИ И КУЛЬ-
ТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
РСФСР.



ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ПО-
ЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ НАЦИО-
НАЛЬНОСТЕЙ Р.С.Ф.С.Р.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. И. Бройдо и М. П. Павловича.

Книга V

МОСКВА—1923.



О союзе „Кошчи“.

(Ответ т. Бройдо).

По поводу замечания т. Бройдо на мою статью „Опыт классового расслоения в условиях Туркестана“ (в „Жизни Национальностей“, № 2) считаю необходимым сделать следующие возражения:

1. В то время, когда я начинаю статью указанием на то, что современный Туркестан представляет собой „целую лестницу поднимающихся общественных ступеней“, от „патриархально-родового быта с пережитками первобытного коммунизма (кстати, необходимо исправить опечатку—первобытного, а не патриархального коммунизма) до „промышленного капитализма“ (цитирую в другом надежде), т. Бройдо поучает меня, что „Восток не есть нечто однородное, и что нужно исходить из конкретной общественно-исторической структуры каждого народа“ и т. д.

Откуда взял т. Бройдо, что я делаю „общие выводы о Востоке на основе опыта работы среди киргиз“. Наоборот, я о работе союза „Кошчи“ говорю раздельно для туркменского, киргизского и узбекского обществ. И если я делаю общие выводы *о революционизирующей роли организаций типа союза „Кошчи“* в условиях „отсталых общественных отношений Востока“, то именно потому, что эта организация оказалась пригодной и в условиях распадающегося родового общества, и в условиях уже дезорганизованного капиталом общества восточно-феодальной формации. Я говорю о союзе „Кошчи“, как об известной *форме общественного движения* в условиях недостаточной классовой дифференцированности, но, само собой, в зависимости от конкретно-исторической обстановки ее общественное содержание неизбежно будет варьироваться. Но варьируется ли социальное содержание самой „системы Советов“ от промышленного Запада к колониальному Востоку, и не являются ли все же Советы *универсальной* формой революционной борьбы против империализма; и не в том ли, между прочим, и заключается их „универсальность“, что они могут, как обществен-

ная форма, консолидировать в борьбе с империализмом различные общественные движения, ему органически враждебные?

2. В § 3 т. Бройдо обвиняет меня в том, что я, будто бы, возвожу в сан класса „широкие трудящиеся массы“ — безземельное и малоземельное крестьянство ¹⁾, с его помощью, „под его якобы могущим выступить политическим руководством“ думаю „вырвать власть из рук буржуазии“.

Т. Бройдо доказывает, что „объединенный мелкий собственник, батрак, люмпен-пролетарий—это не класс, могущий руководить“, что борьба за руководство „широкими трудящимися массами“ ведется между буржуазией и пролетариатом.

Святая истина. Ведь сам же т. Бройдо цитирует из моей статьи что активная роль „широких трудящихся масс“ может иметь место „в условиях Советского государства при наличии идеологического, организационного и материального влияния пролетарской революции“,—чего еще яснее.

Это во-первых. А во-вторых, речь у меня идет вовсе не о вырывании власти, в смысле организации государства, а о руководящей роли в национально-революционном движении. Как будто бы это несколько иной вопрос.

Учитывая то, что и как написано в § 3 „замечаний“, т. Бройдо рискует вызвать солидарность с ним всех сторонников так наз. „цивилизующей“ роли пролетариата на Востоке, как, например, сторонников Красной армии и жел. дор. пролетариата, как единственной реальной базы Советской власти на Востоке.

3. В § 4 т. Бройдо приписывает мне мысль об организации *отдельной (самостоятельной) крестьянской партии*.

Совершенно напрасная попытка. Подобной мысли не было и не могло быть в моей статье, и с совершенной недвусмысленностью я сам в конце статьи курсивом выделяю необходимость „*всесмерно усилить в нем (союзе Кошчи. Г. С.) руководящую работу партии*“,—какой, это совершенно ясно.

Но закрывать глаза на то, что в условиях недостаточно в классовом отношении дифференцированного общества союз „Кошчи“ несомненно имел, помимо профессионально-кооперативного, также и политический характер,—конечно, нельзя.

Да, в условиях, когда коммунистической партии не было и не могло еще быть (как, например, в первые годы революции среди туркмен и киргиз), как не могло быть и профессиональных организаций, в условиях, когда опирался на союз „Кошчи“, Сов. государ-

¹⁾ Кстати, непонятно неверная цитата: я говорю о туземном крестьянстве, „как о главнейшем производительном классе“ „восточного общества“, а т. Бройдо цитирует, „главнейший производственный класс“ и обрывает цитату.

ство подавляло сопротивление колонизаторов, раскачивало туземную бедноту на борьбу с феодально-патриархальной верхушкой туземного общества, проводило земреформу и только что переходило от системы Ревкомов к Советам,—в этих условиях союз „Кошчи“ был и не мог не быть также и политической организацией.

Но из этого отнюдь не следует, что таковой характер он должен сохранять и дальше. В том то и смысл союза, что он является организацией переходного типа, из которой постепенно выделяются отдельные, нам привычные крылья общественного движения и партийные, прежде всего. Из рядов союза партия черпает свои основные кадры, он является подготовительной к ней ступенью, своеобразной „школой коммунизма“, он пробуждает массы к политической активности; опираясь на него, партия строит в кишлаках и аулах Советскую власть; он организационно впервые противопоставил бедноту баям разных формаций,—в этом, и только в этом, заключается политический характер союза.

4. Т. Бройдо находит у меня „переоценку значения родовой организации..... и такую же (какую? Г. С.) переоценку в вопросе о возникновении нации“ (§ 1).

К сожалению, в дальнейшем эта мысль не развита. Повидимому, т. Бройдо считает, что родовая организация киргиз отошла в область преданий.

Я не собираюсь спорить;—хотя для меня это совершенно несомненно,—когда началось отмирание родовой организации, до или после русского завоевания; вопрос совершенно не в этом. Но то, что и по сей день родовые деления играют еще огромное значение в жизни киргиз (т. Бройдо почему-то говорит только о них), что, к сожалению, они еще слишком часто оказываются в групповой и склоной борьбе и в партийных, и в советских, и в союзных организациях¹⁾, что сами киргизы до сих пор называют себя прежде всего именем рода, что например, самый вопрос о выделении т. н. Горной Области (в Семиречьи), о котором упоминает т. Бройдо, был теснейшим образом связан с борьбой двух кара-киргизских родов из-за власти,—в этом не может быть никакого сомнения ни для одного туркестанского работника.

Кстати, блестящим примером живучести родовой организации может служить не только восстание 17-го года, когда везде и всюду и в политическом, и в военном отношениях им руководили баи и мананы—главы родов (вроде знаменитого Шабдана в Семиречьи), но и современное басмачество в киргизских районах Ферганы, где опять-таки необходимо отметить постоянное совпадение отдельных

¹⁾ Напр. роды Саяк и Богу в Каракальском уезде Семир. обл.

басмаческих шаек с родовыми делениями, например: группы Джанибека и Муэтдина в Ошском уезде.

Неправильны утверждения т. Бройдо о племенных делениях киргиз. Он называет „кара-киргиз, киргиз-кайсаков и *других*“.

Кара-киргизы и киргизо-кайсаки это две различные этнические группы, различные и по языку ¹⁾, и по происхождению, хотя и родственные между собой.

Что касается вопроса об образовании киргизской нации, то т. Бройдо, ссылаясь на НЭП, замечает, что для возникновения нации необходимо капиталистическое хозяйство, „хотя бы в форме первоначального накопления“, чего-де, мол, не было до сих пор в киргизском обществе.

Что киргизской нации еще нет, что она еще создается, это верно, и как раз об этом я и писал, но что условия колонии, в которой колонизация велась в самой жестокой и свирепой форме, не соответствуют условиям первоначального накопления — это, поистине, столь неожиданно и ново, что остается только развести руками. Да и, наконец, сам факт организации и существования Наркомнаца разве не свидетельствует о возможности оформления недоразвившихся наций не только в условиях капитализма и НЭП'а?

Т. Бройдо приписывает мне слова о скачке от „единого родового общества“ к „процессу оформления в современного типа нации“. Ничего подобного я не говорил, и даже, наоборот, я всюду говорил о *распадающемся* родовом обществе, а не об едином, — понятия совершенно разные.

5. Наконец, последнее обвинение — в желании направить общественно-хозяйственный процесс по Богданову: „сначала скотоводство, затем земледелие“.

Т. Бройдо утверждает, что это „исторически неверно“, что, мол, это теория царских колонизаторов, и что, исходя из „конкретной, исторически сложившейся обстановки“, киргизской бедноте следует думать прежде всего не об оседании и переходе к земледелию, а о „крупных скотоводческих хозяйствах с введением кормового травосеяния“ и т. д.

Вот несколько достаточно показательных цифр (заимствую из Отчета Турк. Эконом. Совета за 21 год).

В 17 г. в Семиреч. Области было 7 милл. 500 тыс. голов скота; в 20 году — 2.900 тыс. (т. е. 39%); в 14 г. там же было 1.100 тыс. лошадей, в 20 г. — 203 тыс. (18%); в 14 г. — 7.100 тыс. овец, в 20 —

¹⁾ Напр., проф. Самойлович в своей классификации тюркских языков язык кара-киргиз относит к домонгольским, а киргизский — к послемонгольским языкам.

927 т. (13 %); в 14 г. было во всем Туркестане 24,49 кочевых хозяйств, в 20 г. это число упало до 10 %.

Цифры эти с неоспоримой наглядностью рисуют распад материальной базы скотоводческого хозяйства и его катастрофическое в данный момент состояние. Общее мнение всех животноводов говорит о том, что сейчас потребляется т. н. „основное стадо“, т. е. основной капитал скотоводства.

Понятно также, что для восстановления скотоводства необходим примерно в 3—4 раза больший срок, нежели для восстановления земледелия.

В этих условиях, когда перед киргизским народом стоит дилемма: или земледельческого оседания, или полного вымирания, когда он фактически в подавляющем своем большинстве уже осел и ведет с русским колонизаторским кулачем борьбу за земли земледельческого значения, лихорадочно обрабатывая каждый полученный клочок, в этих условиях заявлять, что, мол, переход к земледелию это „богдановщина“, что на самом деле надо думать о скотоводстве, — это значит достаточно объективно учитывать совершающиеся процессы.

Г. Скалов.

Еще о союзе „Кошчи“.

1. Т. Скалов пишет: „И если я делаю общие выводы о революционизирующей роли организации типа союза „Кошчи“ в условиях остальных общественных отношений Востока, то именно потому, что эта организация оказалась пригодной и в условиях распадающегося родового общества, и в условиях уже дезорганизованного капиталом общества восточно-феодальной формации“. Это пишет т. Скалов, уже защищаясь от обвинения в излишнем провозглашении единства и однородности Востока. А что значит „восточный феодализм“?

Есть такой? Что общего между феодализмом Японии, Ферганы, Тибета и Бухары? Столько же, сколько между феодализмом Ферганы и средне-вековой Германии.

Далее, общие выводы о революционизирующей организации типа „Кошчи“ можно и должно сделать. Но от „революционизирующей роли“ до „в порядке дня властно встал вопрос об организации декханства, привлечении его к власти и пробуждений в нем классового самосознания“ — дистанция огромного размера. Если т. Скалов во второй статье об этом уже не упоминает, то, очевидно, понял разницу между тем, что писал, и что следует писать. Но зачем же тогда изо-

бражать дело, будто я в своей статье возражаю против „революционизирующего значения“ „Кошчи“?

2. Очень хорошо, что т. Скалов во второй статье говорит: „святая истина, что объединенный мелкий собственник, батрак, люмпен-пролетарий—это не класс, могущий руководить“. Во-первых—это не только не класс, *могущий руководить*, но и не класс.

Во-вторых, в первой статье для т. Скалова это не только „святая истина“, но таковой является у него обратное положение. При определенных условиях, пишет т. Скалов в первой статье, „руководящая роль сравнительно легко вырывается из рук молодой и недостаточно опытной туземной буржуазии и захватывается трудящимися массами“.

Мы, марксисты, привыкли так понимать, что в цитируемом отрывке изображена классовая борьба, что классу буржуазии (молодой, неопытной) противопоставляется *класс* „трудящиеся массы“, „вырывающие руководство“, и что это не наша, а эсеровская формулировка. По нашему, по марксистски, „трудящиеся массы“—ни класс, „ни вырывать руководства“ не могут, безразлично в каком общественном движении, хотя бы и революционно—национальном. Далее т. Скалов цитирует в оправдание свою первую статью и даже не замечает того, против чего я возражал. Он пишет „о *влиянии* пролетарской революции“ и о „*руководстве* трудящихся масс“.

Это не по коммунистически. Против *влияния* пролетарской революции не будут, пожалуй, ни семиреч. кулаки, ни ферганские бай. А насчет руководства ее трудящимися массами обе категории энергично возразят.

Напрасно т. Скалов тщится запугать меня тем, что „я рискую вызвать солидарность всех сторонников „цивилизующей“ роли пролетариата на Востоке, всех, например, сторонников Кр. Армии и железнодорожного пролетариата, как единственной реальной базы Сов. власти на Востоке“.

Что это не единственная база, об этом т. Скалову, пожалуй, не стоило писать мне. Это и т. Скалов хорошо знает. Я ясно и определенно пишу, что „в обществах с такой структурой, и притом находящихся в советском окружении, идет борьба за руководство „широкими трудящимися массами“ между нарождающимся классом буржуазии (и его политическими организациями) и партией пролетариата и его государством.“

Другой вопрос о том, как руководить. Если партия пролетариата будет руководить „широкими трудящимися массами“ так, что они перейдут под руководство своей нарождающейся или чужой буржуазии—это значит, что соответствующие организации не стоят на исторически-классовой точке зрения и переносят слепо опыт пролетарского руководства из районов с одной классовой структурой в

районы с совершенно другими классовыми образованиями и соотношениями сил между ними. Нельзя слепо переносить московский опыт в Пишпекский уезд.

Но вырывать власть из рук буржуазии таким неопределенным общественным конгломератом, под его якобы могущим выявиться политическим руководством—это противоречит основным началам нашей программы и марксизма.

Дань антиколонизаторству (кетати сказать, да будет тов. Скалову известно, что это слово на туркестанском языке впервые установлено никем иным, как мною, в 16—17 годах) мною в этом абзаце полностью уплачена.

3. Т. Скалов обижается, что я ему „приписываю мысль об организации отдельной (самостоятельной) крестьянской партии“.

Правда, у т. Скалова слово партия не встречается.

Ну, а по марксистски что значит следующая комбинация?

„В порядке дня стал властно вопрос об организации декханства, привлечении его к власти и пробуждении в нем классового сознания“.

Это значит, что декханство—класс, что у него есть свое классовое самосознание, а по всем марксистским учебникам сознательная часть класса (самосознавшая себя, как класс)—партия. Эта ошибка и произошла в результате маленького добавления к резолюциям X Съезда („отсебятины“, как говорили в 20 г. в Туркестане).

Союз „Кошчи“ Съездом партии расценивался, как союз „смешанного профессионального кооперативного характера, само собой имеющий революционизирующее значение“, но слово „политического“ прибавлено Скаловым, превратившим союз „Кошчи“ в *партию декханского класса*.

4. Совсем запутался т. Скалов в вопросе о родовой организации и нации.

Он сообщает, что „распадающееся родовое общество“ „делает скачок и, минуя феодальный период, переходит к обществу эпохи диктатуры пролетариата“. Но ведь это еще гораздо хуже, чем скачок к „процессу оформления в современного типа нацию“, как было сказано в первой статье. Т. Скалов, защищаясь, выражает мысли значительно более рискованные. Шутка ли, скачок от родовой организации (хотя бы и разлагающейся) к обществу эпохи диктатуры пролетариата?

Это почище, и значительно дальше идет скачок, чем к „современному типу нации“.

Это какое-то идеалистическое спутывание реальной жизни и истории с революционным желанием видеть повсюду последнюю фазу. История действительная шагает значительно медленнее. Т. Скалов удивлен по поводу моего указания, что он переоценивает значение родовой организации, равно как и возникновение нации у киргиз.

Между родовой организацией и национальной он вставляет феодальную. Не так, т. Скалов, учит нас марксизм. Род—форма общественного объединения людей; в своем развитии он превращается в племя; возникающий торговый капитал организует из целого ряда племен нацию. Феодализм—форма общественного хозяйства и госуд. власти, но не является формой общественного объединения.

Если я указываю на переоценку родовой организации, это не значит, далеко не значит, „что родовая организация перешла в область преданий“. Родовая организация отмирала, писал я, уже „к моменту завоевания Туркестана“.

„Киргизская родовая организация еще до завоевания Туркестана складывалась в племя, и в современной действительности мы должны констатировать наличие этих племен: каракиргиз, киргиз-калшаков и др. и отсутствие еще киргизской нации“.

У т. Скалова выходит: либо род, либо нация. Не так на деле. „Разрушающаяся родовая организация“—фундамент племенного объединения. Киргизское об-во в Туркестане, балкарское на Сев. Кавказе как раз и переживают период отмирания рода и возникновения племени, но не нации, ибо последняя, бесспорно, „возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку возникает капиталистическое хозяйство, хотя бы в форме первоначального накопления“.

Чувствуя слабость своей концепции род—нация, т. Скалов сообщает, что „каракиргизы и кайсаки это „две различные этнические группы и по языку, и по происхождению, хотя и родственные между собой“.

В доказательство—ссылка не на Энгельса, Маркса, а на... проф. Самойловича.

Здесь, что ни слово—перл марксизма.

Что такое этнические группы?

Кривичи, древляне, славяне и т. д. в IX—X веке это племена или этнические группы?

Существуют ли для марксиста какие-либо организации людей, не общественные, и что значит этот понятный термин „этнический“ (народный)? Туман буржуазной науки всегда приходит на помощь, когда изменяет свет марксизма.

Далее. Эти этнические группы (каракиргизы и кайсаки), „разные по происхождению“, „хотя и родственные“. Также откуда-нибудь из глубокой науки? Если разного происхождения, то, очевидно, не родственные. А что значит родственные?

Это—отрывка старых сказок об Адаме и Еве, едином корне человечества и расселении родственников по земле, откуда пошли народы родственные, но позабывшие общий язык. Но ведь это из Библии и Иловайского. (Вспомни Вавилонскую башню). У каракиргиз и кайса-

ков есть „документы“ о их разном происхождении: одни говорят, что киргиз происходит от слова сорок девушек (кырк кыз), родивших народ киргиз, другие—от слова сорок гусей (кырк гыз).

Ясно, что т. Скалов без марксистской критики последовал за буржуазным этнографом и внешние проявления принимает за сущность исторических процессов.

С этой же якобы ученой точки зрения он расценивает идею Горной области, как результат „борьбы двух каракиргизских родов из-за власти“. Внешние факты (прагматическая история) заключаются в том, что борются 2 группировки общественных работников (а не масс): одна за выделение каракиргиз в особую область, другая—против.

Но что отражает самая идея?

Ведь бытие определяет сознание. Она отражает процесс оформления каракиргизского племени. Стоящие за область выражают реально происходящий исторический процесс. Высказывающиеся *против* стоят на другой точке зрения, как группировка, основывающая свою позицию на несочувствии этой идее со стороны русских работников. Борьба за эту идею использована работниками, борющимися за чиновные места, но самая идея, ее происхождение, корни надо искать в происходящих „нутрянных“ исторических процессах, а не в склоке „генералов“. Так делают марксисты; конечно, не так поступают ученые этнографы.

„Блестящим примером живучести родовой организации может служить киргизское восстание, когда [везде и всюду и в политическом, и в военном отношении руководили бай и манашы—главы родов (вроде знаменитого Шабдана в Семиречьи)].“

Кстати, „знаменитый Шабдан“ умер лет 25—30 тому назад. А знаменит он был как раз тем, что при нем интенсивно началось племенное объединение каракиргиз. Восстание имело свой центр, руководящий штаб лиц (фамилии которых я считаю невозможным называть и сейчас, так как это поставит его в опасное перед русским кулачем положение), с которыми мне лично приходилось обсуждать и вырабатывать планы и способы борьбы.

Это восстание как раз было характерно, как полная ликвидация родовщины и ее *замкнутости*, характерной черты родовой организации. Царской политике уже не удавалось восстановить род на род, что так легко ей удавалось в годы завоевания края.

По вопросу о нации у киргиз—т. Скалов, деликатно выражаясь, сильно перепутал.

Далее т. Скалов пишет: „Что условия колоний, в которых колонизация велась в самой жестокой и свирепой форме, не соответствуют условиям первоначального накопления—это, по истине, столь неожиданно и ново, что остается „только развести руками“.

Да, все эти условия колоний безусловно способствуют первоначальному накоплению, по чьему? Русского кулака-переселенца. А мы говорим о киргизской нации. Первоначальное накопление русского кулака оно-то и задерживало, тормазило наступление такого же процесса среди киргиз.

Но у т. Скалова эта путанница исходит от другой оригинальности довольно неловко (неумело) заимствованной у т. Сафарова.

„Русско-киргизские отношения были по существу своему отношениями классового порядка“.

Русский кулак и киргизская беднота—это, по Скалову, одна нация с двумя классами, и в этой системе процесс первоначального накопления уже произошел.

Англичанам принадлежит, в качестве колонии, Индия. Англичане эксплуатируют индусских трудящихся. Каждый англичанин при рождении получает 30 рабов в Индии. До чего было бы нелепо сказать: взаимоотношения англичан и индусов „классового порядка“. Нельзя так безбожно механизировать исторические процессы. Русский переселенец и киргиз—разного исторического происхождения, категории, с другими хозяйственными базами из совершенно чуждых друг другу ступеней общественно-исторического развития. Обе эти группы механически (переселение, завоевание) соединены, поставлены во взаимоотношения представителей метрополии и колонии, что представляет собой совершенно другие (а не классового внутри одной общественной организации, с одним историческим прошлым) взаимоотношения, *похожие* на классовые по некоторым своим проявлениям и могущие в силу этого быть перепутаны с классовыми взаимоотношениями лицами, плохо прочитавшими Каутского.

О Нэп'е и его роли т. Скалов тоже ничего не понял.

Я говорил и говорю, что „НЭП будет содействовать этому образованию (т.-е. нации)“.

Проникновение НЭП'а в *киргизское* общество, а не к русским кулакам, будет содействовать образованию буржуазии, а с ней и тенденциям к национальному объединению. В более развитых районах киргизских и в Кирреспублике на этой почве возникает идея о присоединении Семиречья к Кирреспублике, о воссоединении всех киргиз, как происходящих от 40 гусей, так и от 40 девиц. Это и есть тенденция национального объединения.

По мнению т. Скалова „самый факт организации и существования Наркомнаца разве не свидетельствует о возможности оформления недоразвившихся наций не только в условиях капитализма и НЭП'а“.

Да будет известно т. Скалову, что НКН имеет дело и с племенами и считал и считает возможным не только национальную, но и племенную автономию. Так, напр., Кабарда, Чечня, конечно, не нации

и даже не „недоразвившиеся“ нации, а племена. Однако им предоставлено право автономного существования. Если автономная организация содействует изживанию взаимного доверия между трудящимися разных наций, то тем более она является верным средством для изживания племенной замкнутости и отчужденности.

5. В последнем пункте своей статьи т. Скалов выступает на защиту киргизской бедноты, перед которой, по его мнению, стоит дилемма: „или земледельческого оседания, или полного вымирания“, в доказательство чего он приводит цифры, рисующие катастрофическое положение киргизского скотоводства.

Ведь это „или—или“—формула не марксистская. Нигде не сказано в истории, или скотоводство, или земледелие, как высшая форма.

Есть скотоводство разных форм и земледелие разной интенсивности. Что выше: земледельческое хозяйство семиреченского русского поселенца, часто кочевое (аренда на 2—3 года), с трехпольем, без удобрения и т. д. или швейцарское смешанное выгонно-стойловое скотоводство „с кормовым травосеянием (клевер в Семиречьи самое ценное достояние киргиза), с племенными рассадниками“, как я писал?

Вот это представление о том, что „сначала было“ скотоводство, потом люди перешли к высшей форме народного хозяйства — земледелию—богдановщина, притом в гимназическом толковании. „Вот это все, писал я, исторически неверно“, а в применении к киргизской современности будет реакционным *говорить* (именно *говорить*) о переходе *только* к земледелию. „Мало сказать — вот тебе земля. При отсутствии не только орудий производства и живого инвентаря (не всякую лошадь запряжешь в плуг), но и земледельческих навыков (многие киргизы и запречь то еще не умеют), это сводится к анархическому использованию экспроприированного, вплоть до простого с'едения (в буквальном смысле этого слова) скота“.

Вот что я писал. Это значит: организуйте склады с.-х. орудий, дайте инструкторов-агрономов, откройте сельско-хозяйственные школы, обучайте с.-х. навыкам и т. д. и т. п. Но это не значит, что мановением руки скотоводство превращается в земледелие по воззванию того или иного работника, или даже союза „Кошчи“. Этот процесс длительный, упорный, систематический должен проделать киргизский трудящийся, организованный в хозяйственную организацию „смешанного профессионально—кооперативного характера“, а не в „политическую“, ведущую классовую дифференциацию, превращаясь в партию и государство, как это имело место в практике.

Кормовое травосеяние—переход к земледельческим формам хозяйства, связанным с сокращением и усовершенствованием скотоводческого хозяйства.

Надо обратить внимание, что культурный немец-колонист Аулиа-

тинского уезда, „привыкший к земледелию“ в своем фатерланде, пошел (по т. Скалову) назад: интенсифицируя скотоводство и приспособляя к нему земледелие, превратив киргизскую коровенку с помощью пшеницы в сильно молочный скот, организовав маслобойню и сыроварню и использовав организованно и интенсивно альпийские богатства Семиречья. Очень хорошо, что киргизские трудящиеся ведут „с русским колонизаторским кулачем борьбу за земли земледельческого значения“, но победит в этом споре—для марксиста, а не утописта, увлекающегося прокламацией в деле организации народного хозяйства, — высшая форма хозяйства. Вот почему надо содействовать организации киргизского хозяйства, ориентируясь на хозяйство немца-колониста, а не на хищническое и грабительское трехполье русского кулака. Вторая ориентация сужает право киргиз на землю—земледельческий надел, который его обрекает на голод и сечение последнего скота.

Первая спасает скот, интенсифицирует скотоводство введением в него подсобного земледелия и требует совсем другого надела. История не отменяет прошлого хозяйства, а превращает его в новые, более высокие формы.

Мы не отменили капитализма, а разрушили его, строя новое из строительного материала капиталистического хозяйства.

Итак: 1. Повнимательнее к резолюциям X-го съезда: Союз „Кошчи“ должен быть организацией „смешанного кооперативно-профессионального характера“, а не политического. Само собой, что такая организация будет иметь объективное „революционизирующее значение“, не превращаясь в госаппарат и партию *suí generis*, ведущую „политику расслоения“ мерами административного характера.

2. Не слова, а дела нужны; необходимо подвести под „Кошчи“ хозяйственную базу, превращая его в рассадник скотоводческих артелей, коопераций.

3. Это сразу отбросит от него накипь, образовавшуюся неправильным его использованием в прошлом. „Вот те пути, которые лучше всякой „чистки“ выкинут из рядов „Кошчи“ середняка и бая, примазывающихся к „Кошчи“, как к политической организации, как к партии, с помощью которой они „советизируют“ свое влияние (Г. Б. „Ж. Н.“ № 2, стр. 45) и закрепляют физически свое хозяйственное и политическое руководство беднотой.

Недавно опубликованная статья т. Ленина о кооперации является блестящей формулировкой и задач „Кошчи“. Таким путем скорее мы достигнем и классового расслоения, и вывобождения бедноты из-под влияния баев.

4. Союз „Кошчи“ должен использовать хозяйственные ресурсы сегодняшнего дня, а не абстракции из учебника истории культуры,

поэтому он должен иначе строиться в скотоводческом Семиречьи, иначе в водно-земледельческой Фергане.

5. Восстановить земледелие может быть легче, чем возобновить скотоводство. Так говорят животноводы. Я не считаю авторитетной такую ссылку, но предположим, что это так. В Семиречьи другое положение. Что легче: восстановить скотоводство, введя в него элемент земледелия (клеверники), оседлость (стойловое хозяйство), или построить русскую деревню с трехпольем?

Второе—труднее.

Что объективно прогрессивнее: использовать альпийские богатства и низовые клеверники, создать молочный скот, сыроварню и т. п. или десятки лет приспосабливаться к тому, чтоб добраться до высот хищнического трехполья?

Второе—прогрессивнее.

Что выгоднее для киргизских трудящихся: выйти на рынок с усовершенствованным продуктом животноводства или конкурировать на хлебном рынке с русским мужиком?

Первое—выгоднее.

Что подведет фундамент под борьбу киргизских трудящихся с русскими колонизаторами: его беспомощное ползание за русским хлебоборобством в течение нескольких десятилетий (именно столько потребуется) или использование исторически сложившегося и природными ресурсами оправдываемого интенсивного скотоводческого хозяйства (по образцу немецких колоний)?

Второе—залог победы.

Что скорее сделает из киргизских степей и гор существенную часть в народном хозяйстве Союза: превращение отдельных ключков „земледельческого значения“ в хлебородное хозяйство или мощное использование их интенсифицированным скотоводством?

Второе скорее превратит Семиречье в серьезного участника Союзного хозяйства.

Путь развития веками сложившегося скотоводства, интенсифицированного *подсобным ему земледелием*—вот путь для трудящихся киргиз Союз „Кошчи“, организуя бедноту, превратится в мощную передовую хозяйственную организацию, а, следовательно, и в политически серьезную базу революции.

Г. И. Бройдо.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция этими статьями т.т. Скалова и Бройдо заканчивает дискуссию о союзе „Кошчи“ и считает, что точка зрения, изложенная т. Бройдо, вполне соответствует директивам Ц. К. в вопросе о „Кошчи“